

Тихо выйдя из комнаты и закрыв за собой дверь, он направился в кабинет. Он чётко знал, что нужно делать: защитить Чэн Цзяшу, привязать его к себе, а затем приступить к осуществлению своей мести. Его власть была ограничена, поэтому ему нужны были власть, финансы, чтобы укрепиться в этом мире.

На важных собраниях корпорации Дуань по-прежнему присутствовал старик, а значит, все мелкие вопросы решал его отец. В их семье было мало людей, и старик ценил продолжение рода. В следующем году Дуань Чжэнтан вернётся с Дуань Цихуном, но он не получит расположения старика. Внебрачный внук — это позор для его статуса.

Дуань Цихун, благодаря благосклонности Дуань Чжэнтана, получил хорошее образование, а затем предал его. После смерти Дуань Чжэнтана и его самого он взял под контроль корпорацию Дуань. В этой жизни он не позволит им осуществить свои планы.

В следующем году он не позволит Дуань Цихуну войти в дом Дуань!

Нужно найти способ завладеть большей частью акций корпорации Дуань. Ему нужны деньги, много денег. Где их взять?

В кабинете было тускло, и с тех пор, как он вернулся в прошлое, ему нравился такой свет. Воздух был холодным, он не разрешал горничной регулировать температуру. Казалось, только в такой обстановке он мог постоянно помнить о том, что произошло в прошлой жизни, о своей ненависти! Дуань Лицзинь лёг на кушетку и закрыл глаза. Старик не даст ему столько денег, даже если и даст, то потребует объяснений. Он ещё слишком молод, и старик не позволит ему заниматься делами компании.

Мать, Ци Чжаоси...

Вспомнив о своей матери, Дуань Лицзинь достал телефон и набрал её номер. Кто ещё, если не она, даст ему деньги? Звонок долго не отвечали, а когда наконец ответили, холодный голос прозвучал, как зимний ветер:

— Кто это?

Дуань Лицзинь усмехнулся:

— Это я, твой сын.

На другом конце провода Ци Чжаоси замерла, затем снова посмотрела на номер телефона. Он был незнакомым. Откуда у Дуань Лицзиня её номер? Наверное, старик дал. Должно быть, так.

— Что случилось?

Дуань Лицзинь был непослушным, за семнадцать лет он доставил семье Дуань немало хлопот. Может, он снова натворил дел, и старик отказался ему помочь, вот он и обратился к ней?

— Ничего особенного, просто немного стеснён в средствах.

Ци Чжаоси усмехнулась. Она знала, что у этого парня нет денег, а старик не даёт. Ну что ж, у неё есть мать:

— Сколько нужно?

— Не много, всего 100 000 000. Для тебя это копейки.

Ци Чжаоси вскочила с места, закричав:

— Что? 100 000 000! Ты что, грабить собрался?

Голос Дуань Лицзиня был невинным, как у ребёнка, которого никто не воспитывал:

— С тех пор, как я родился, ты была дома семнадцать раз, и каждый раз только на один день — в первый день Нового года. Никто мной не занимался, я рос сам по себе, поэтому и натворил дел, и теперь мне нужна крупная сумма, чтобы всё уладить.

Ци Чжаоси про себя ругалась. Что же этот парень натворил, что ему нужно 100 000 000? Она решительно отказала:

— Нет. Обратись к старику, он ведь тебя так любит!

Дуань Лицзинь нахмурил свои красивые брови. Если Ци Чжаоси не даёт, он не станет с ней спорить, но поправил её:

— Ци Чжаоси, я не прошу тебя. Это твоя обязанность как матери. Ты не воспитала меня, и теперь, когда я натворил дел, ты должна за это ответить. Ведь это ты родила меня.

Лицо Ци Чжаоси не только помрачнело, но и стало мрачным. Она не могла поверить, что Дуань Лицзинь осмелился так с ней говорить:

— Через минуту переведу на твой счёт.

Ци Чжаоси была умной женщиной, и если деньги могут заставить Дуань Лицзиня замолчать, почему бы не использовать это? Позже она обязательно выяснит, что он натворил.

— Так быстро? Значит, для тебя это действительно копейки. Тогда, дорогая мама, дай мне ещё 100 000 000.

Ци Чжаоси взорвалась, у неё больше не было настроения разговаривать с Дуань Лицзинем:

— Не наглей, иначе не получишь ни копейки.

Она уже собиралась повесить трубку, но Дуань Лицзинь не позволил ей этого сделать:

— Ци Чжаоси, я слышал, что ты недавно близко общаешься с человеком по имени Карл. Интересно, знают ли об этом дедушка и бабушка Ци? Конечно, Дуань Чжэнтан держит на стороне женщину, но ты ведь тоже можешь завести мужчину.

Лицо Ци Чжаоси побелело, она скрежетала зубами:

— Через минуту всё переведу.

— Не волнуйся, я никому не расскажу. Дедушка и остальные ничего не узнают.

Ци Чжаоси всё ещё была женой Дуань Чжэнтана. Все знали, что их отношения были плохими, но на публике они должны были поддерживать видимость и вместе появляться на важных мероприятиях. Он видел своих так называемых родителей только в первый день Нового года. В больших семьях всегда были странные правила, поэтому Ци Чжаоси до развода не могла заводить мужчин на стороне, иначе это позорило бы семьи Ци и Дуань.

Если бы не то, что на его похоронах в прошлой жизни он узнал об их связи, он бы никогда не узнал, что у Ци Чжаоси был любовник.

Она была хитрой, но что она могла сделать, узнав, что он обманул её на 200 000 000? Он был единственным законным наследником семьи Дуань, и она не могла тронуть его. Если бы с ним что-то случилось, старик не простил бы её.

На телефон пришло уведомление о переводе, сумма соответствовала его ожиданиям. Теперь нужно найти надёжного человека, который анонимно купит для него акции корпорации Дуань. В тусклом свете глаза Дуань Лицзиня стали кроваво-красными, а на губах появилась зловещая улыбка. Его лицо выражало холодную жестокость, словно он был благородным императором.

В этот момент дверь кабинета открылась, и вошёл стройный и красивый юноша. На нём была тонкая белая рубашка, он был без брюк, его босые ноги выглядели нежными. В тусклом свете его лицо выражало беспокойство и лёгкий страх.

Дуань Лицзинь вздохнул. Неужели этот парень пытается его соблазнить? Он был выше Чэн Цзяшу, поэтому рубашка на нём выглядела... весьма соблазнительно. Дуань Лицзинь усмехнулся, подошёл и поднял Чэн Цзяшу на руки.

— А Цзинь! — Чэн Цзяшу осторожно ухватился за одежду Дуань Лицзиня, словно боясь упасть.

— Ты такой лёгкий. Тебя что, в семье Чэн не кормят?

В его руках Чэн Цзяшу был совсем лёгким, и Дуань Лицзинь невольно провёл рукой по его спине, ощутив только кости. Лишь ягодицы и лицо были немного мясистыми.

Чэн Цзяшу покраснел, его голос был едва слышен:

— Нет... нет, я ем.

— В следующий раз не выходи из комнаты босиком, надевай обувь. Слушай меня, это для твоего блага.

Ещё нужно будет найти способ, чтобы Чэн Цзяшу переехал жить к нему. Он не мог быть спокоен, пока тот оставался в семье Чэн.

— А Цзинь, почему... почему...

Почему ты снова стал ко мне добр? Разве ты не ненавидел меня?

Он уложил Чэн Цзяшу на кровать, а затем сел рядом:

— Я хочу извиниться перед тобой. Я был неправ, не должен был оскорблять тебя, обижать. Давай будем вместе, хорошо?

Вместе!? Он имел в виду то, что он думал?

— Быть вместе... это значит быть вместе, как я думаю? Я... нет, ты раньше никогда такого не говорил, у тебя же есть девушка, я мужчина, ты говорил, что гомосексуалисты противны, я не гомосексуалист, я... я просто люблю тебя, я не люблю других мужчин...

Чэн Цзяшу говорил бессвязно, его растерянность заставило сердце Дуань Лицзиня сжаться.

Насколько же он ранил Чэн Цзяшу? Успеет ли он всё исправить? Дуань Лицзинь осторожно обнял Чэн Цзяшу, чтобы успокоить его:

— Я был слеп и не видел твоей доброты. Синь Яо не любила меня, она любила Вэй Вэй. Ты ведь знаешь Вэй Вэй, того красавчика из параллельного класса, короля и королеву школы, они созданы друг для друга. Так зачем мне держаться за Синь Яо?

Чэн Цзяшу с ненавистью подумал о Синь Яо, едва сдерживая гнев:

— Синь Яо встречалась с тобой, а она осмелилась тебе изменять.

Дуань Лицзинь мягко улыбнулся, поглаживая спину Чэн Цзяшу. Только этот человек не предал бы его, посвятил бы ему всю жизнь. Он действительно был слеп, не видел фальши Синь Яо:

— Поэтому ты лучше всех для меня, правда? Как я могу тебя обидеть, Шу. Давай будем вместе, всегда вместе, больше не расставаться, хорошо?

Он ещё не любил Чэн Цзяшу, но верил, что полюбит его со временем. Просто нужно постепенно становиться к нему добрее.

В голове что-то щёлкнуло. Когда он пришёл в себя, его глаза широко раскрылись, и слёзы покатались по щекам. В голове царил хаос, он не понимал, было ли это облегчением или радостью, или, может, это был сон. Во сне его А Цзинь не ненавидел его, не считал его противным, а относился к нему с нежностью.

<http://bllate.org/book/16559/1511272>